

КОЛЛАЖ

14 СОБЕСЕДНИК № 23
ИЮНЬ 1989

Не берусь дать точный ответ на вопрос: «Что и почему делает эта группа?». По-моему, «Звуки Му» — совершенно уникальное явление в нашей музыке. Да и не в музыке только... Искусство Петра Мамонова притягивает разных людей. Эстеты находят в его творчестве «черный» юмор, построенный на перевернутом изображении реальности. Муха — источник заразы. Я знаю, это не так. Источник заразы — это ты. Другие видят в Мамонове «своего парня».

А что думает сам Петр?

— Я считаю, что рок-музыкант должен быть артистом. Зрители приходят на спектакль, ясно — на сцене условный мир. У нас же все смешивают, путают сценический образ с человеком. Так им легче, наверное. Я — шут, клоун. Во все времена правду говорили шуты,

МЫ НЕ ВРАЧИ,
МЫ БОЛЬ.

порой сквозь слезы, и мне от Чаплина не смешно, а больно. Есть такая мысль у Герцена: мы не врачи, мы боль. Может быть, это и о нас... Удивительно, что нас любят самые разные люди — от 15- до 60-летних. Между нами какая-то сердечная ниточка протянута, они способны чувствовать, что я пою искренне, об их жизни, в каком бы странном виде — кликуши или сумасшедшего — я это ни делал. Есть и другие — они ужасаются и уходят с концертов.

Странный сценический образ, нестандартная биография: недоучился в институте, работал лифтером, грузчиком, журналистом в «Пионере», писал стихи и рассказы. Потом ушел в рок-музыку, сразу нарушив многие каноны этого жанра. В свои 38 лет этот «артист эстрадно-музыкального жанра» (как записано в лежащей в Московской рок-лаборатории трудовой книжке) начисто лишен эстрадного самолюбования, кото-

рое то и дело демонстрируют многие молодящиеся сорокалетние певцы. Да и к рок-музыке он относится критично:

— У нас нет рок-музыки как явления. Есть отдельные группы, более или менее интересные. Судят о роке абсолютно некомпетентные люди, задают идиотские вопросы: «В чем смысл ваших песен! Ваше творческое кредо!» Я — профессионал, и когда встречаюсь с таким «профессионалом», мне не о чем с ним разговаривать. У меня нет времени на ля-ля-ля. Эти несведущие люди начинают расчленять рок по традиционным законам — на музыку и стихи. Никакой «рок-поэзии» не существует. Если взять хорошие рок-тексты и напечатать их — что делают сплошь и рядом, — то получится невнятная часть чего-то. Надо же понять новый вид искусства, который можно воспринимать только в совокупности его составляющих. Тогда все встанет на свои места. Тем более если речь идет о нашей рок-музыке.

Необычность «Звуков Му» чаще всего видят в их близости к народному фольклору, к искусству скоморохов. Я поинтересовался у Петра, что он думает о роке «а-ля русс»:

— Русский народный дух зачастую подменяют сарафанами, матрешками, розыском забытых песен. По-моему, это слишком легкий путь — откопать какую-нибудь песню XVII века и распевать ее. Но душа-то русского человека не остановилась в развитии три века назад. Если ты живешь в своей стране, играешь для своего народа, то корни само собой есть, вся культура впиталась в твоё творчество, хочешь того или нет. Отечественная и западная. Загадочность русская, может, в том и состоит, что мы обладаем удивительной способностью ассимилировать любую культуру и выдавать нечто совершенно новое. Так Достоевский взял весь опыт европейского романа и создал новое явление мировой культуры. Не псевдорусское, но глубоко наше. С рок-музыкой происходит что-то подобное: наносное, ложно понятое русское постепенно уйдет, останется искреннее...

«Ты пинаешь меня, но и тоскуешь по мне», — может, в этих мамоновских строчках и есть объяснения этого странного феномена — «Звуки Му»?

Валерий Ситников.